

БОЛЬШАЯ ПРОЗА
ДИНЫ РУБИНОЙ

Дина
Рубина

**ПОСЛЕДНИЙ КАБАН
ИЗ ЛЕСОВ ПОНТЕВЕДРА**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении суперобложки использована репродукция гобелена «Охота на кабана и медведя» из серии охотничьих гобеленов Девоншира (The Devonshire Hunting Tapestries), ок. 1425–1430 гг.

Рубина, Дина.

Р82 Последний кабан из лесов Понтеведра / Дина Рубина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Большая проза Дины Рубиной).

ISBN 978-5-699-98128-1

Малларме утверждал, что мир существует, чтобы войти в книгу.

Для меня любовь — вчера, сегодня и завтра — материал для будущей книги. И не только моя любовь, и не только любовь, а все вообще, что со мной и с миром вокруг меня происходит. Мои душа и тело, мои близкие и не близкие, мои враги, моя вселенная, короче, моя единственная жизнь вчера, сегодня и завтра — материал для будущей книги.

«У художника нет личной жизни... Все его изыскания — лишь ширма, за ней же только и всего — человек, страдающий нестерпимо от того, что нет в мире места нежности».

Это написал английский писатель Лоренс Даррелл в своем романе «Жюстин».

Мне нечего к этому добавить.

Д. Рубина

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-98128-1

ООО «Издательство «Э», 2017

Камни их сохранили величие,
люди — нет.

Вторая Книга Царств

Часть первая

— Да, вы правы, — повторил он. —
Бывают ситуации, из которых самый до-
стойный выход — самоубийство. Только
говорить об этом нельзя.

— А... как же?

— А молча, — сказал он. — По молча-
ливому уговору. Если совсем приперло.

*Иисус Христос.
В личной беседе*

Глава первая

Сладкогласно поющий хуглар,
Находчивый и беззастенчивый,
Бродит, коротко стриженный,
И отлично знает свое дело.

*Кантиги святой Марии
(XIII—XIV вв.)*

Моя должность, в сущности, называлась «Дина из Матнаса». Я так и представлялась, когда телефонными звонками собирала на концерты-лекции местных пенсионеров: здравствуйте, вас беспокоит Дина из Матнаса. (Вас беспокоит дурочка из переулочка, Саша с «Уралмаша», дунька с водокачки, халда с помойки.) Это была половина ставочки такой — координатор русской культурной жизни.

Например, я обеспечивала стариков легкой классической музыкой. Программы были не из утомительных: что-нибудь «Сентиментальный вальс» Чайковского, «Полонез» Огинского, «Хабанера» Кармен, «Турецкое рондо» Моцарта...

12 Они слушали так, что сердце радовалось. Хлопали, требовали биса. После концерта обступали меня шумной толпой, благодарно галдели, по плечу гладили.

Спасибо товарищу Моцарту за нашу счастливую старость.

Культура культурой, доложу я вам, но эти полставочки обернулись каторгой почище валки таежного леса, и не только потому, что еврейские старики — народ нелегкий (а культурную работу среди них в основном надо было проводить), но и потому, что обнаружили еще кое-какие обязанности, сваленные на меня руководством Матнаса.

Как вам словечко, кстати? Ни один из языков не напоминает так вывернутый для просушки русский, как иврит, древнееврейский наш язык. А возможно, русский — это вывернутый иврит, тем более что возрастную субординацию на кривой козе не объедешь. Словом — **Мат-нас**. Таковой вот «матрас с поносом, носок с атасом, матом нас он послал...».

А в переводе на русский — Дворец культуры и спорта.

Я туда случайно попала, и если вдуматься — все в моей жизни происходит абсолютно случайно.

Просто мне позвонила Милочка, которая работала в этой должности.

Она в то время «стояла родить». Есть в иврите такой изумительно образный идиоматический оборот. Когда человек совсем уже собрался, вот-вот подготовился к чему-то важному. Например, говорят «он стоит жениться» — какая точность, какой синтез смысла и образа! Так что Милочка совсем уже «стояла родить», то есть ползала на последних днях, то и дело останавливаясь и отдыхая.

С ее лица никогда не сходила гримаска ленивой истомы. Невозможно было представить, как она с эдаким лицом собирается рожать. Ведь эта работа требует от исполнителя, как правило, прямо противоположной гримасы. Словом, позвонила Милочка и спросила, не хочу ли я заместить ее на те три месяца отпуска, что полагаются после родов. Работа плевая, добавила она, полставочки, тысячи две в месяц.

И я согласилась.

Обстоятельства мои на земле предков сложились таким образом, что я веду жизнь шабашника — сезонного рабочего. Иногда выезжаю на заработки в другие земли, где бывшие мои соотечественники и одноязычники еще жаждут слышать русскую речь. Время от времени нанимаюсь на какую-нибудь случайную работенку, что тоже не так просто, ведь я — человек без профессии, язы-

14 ков ихних не разбираю, да и трудиться по-людски не очень-то приспособлена.

Но когда я «стою родить» очередное свое литературное дитя, судьба волевым решением освобождает меня от сезонных работ — меня вдруг выгоняют из газеты или еще откуда-нибудь, где я получала ежемесячно свои неизменные две тысячи шекелей. И я переживаю, конечно, и бессонными ночами думаю — где и чем добыть средства на пропитание семье, а между тем очередное литературное дитя уже прет из меня на свет Божий, разрывая утробу, и страшная гримаса тяжелых родовых усилий месяцами не сходит с моего лица.

И вот новорожденный роман вылизан моим шершавым языком и пристроен к хорошим людям в какой-нибудь журнал, где поднимается на слабые ножки и ковыляет прочь уже без моей помощи, и уходит все дальше, дальше, пока не убеждает от меня

...навсегда.

И тогда мне обязательно звонят. И предлагают полставочки какой-нибудь пустяковой работенки, например — должность координатора русской программы в городском Дворце культуры и спорта...

— А что еще я должна делать?

— Ну, экскурсию организуйте им раз в месяц, к Мертвому морю. Пусть мозоли попадут... — Милочка удобней устроила живот на коленях, лениво и мягко поправила упавшую на лоб прядку.

Мы сидели в лобби Матнаса, в ожидании встречи с замдиректора. Милочка привела меня знакомить.

— Еще есть матери-одиночки, их тоже надо пасти, публика требовательная... Есть молодежный клуб, где отдельной группой — десятка три омерзительных подростков из России — пьют, сквернословят, травку покуривают.

— С ними тоже надо что-то делать? — испугалась я.

— Нет, у них есть свой координатор, Люсио. Но иногда полиция требует списки.

Мне захотелось немедленно покинуть этот гостеприимный дом.

— А вот, обратите внимание, как раз и Люсио!

В двери Матнаса вкатился уморительно смешной человечек. Он переваливался с боку на бок, энергично притоптывая ножками, а коротенькими ручками как бы отталкивался от невидимых стен по бокам.

— Забавный... — пробормотала я, провожая взглядом человечка и пытаясь понять, кого он мне напоминает. — И вы хотите сказать, что с эдакой-то внешностью он — координатор молодежной группы? Тех самых проблемных подростков?

— Вообразите, дети его очень любят. Он большой шутник, артист, забавник, мастер на все руки... Да не волнуйтесь, все будет хорошо, —